

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СЛОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

The article analyzes etymology of Russian words, their connection with material and spiritual culture, influence of the old slavonic language on creation of the Russian literary language.

Язык – это не только средство выражения мысли, но и форма её становления, орган образования мысли (как говорил Гумбольдт) – и вместе с тем сама сформировавшаяся мысль.

Языковые изменения могут быть понятны только тогда, когда их рассматривают в совокупности развивающихся явлений, часть которых они составляют. Одно и то же изменение может получить совершенно различный характер, смотря по процессу, который оно производит.

Многие лингвисты писали о трудностях определить значения слова и истолковать его употребление в далёкую от нас эпоху. Например, И. И. Срезневский (1812–1880), А. Потебня (1835–1891), А. А. Шахматов (1864–1920), В. В. Виноградов (1895–1969) и др. Л. В. Щерба отмечал: «Значения слов эмпирически выводятся из языкового материала. Но в живых языках этот материал может быть множим без конца, и в идеале значения определяются с абсолютной достоверностью; в мёртвых же языках он ограничен наличной традицией...» [1].

В истории очень многих языков есть примеры преобразования языка по инициативе и при помощи соответствующих профессионалов – филологов, литераторов и др. Так, из чешского литературного языка были вытеснены слова немецкого происхождения (или подозреваемых по немецкому происхождению). Это вытеснение имело весьма значительные результаты. Как отмечает Л. П. Якубинский, это обстоятельство «изолировало чешский язык не только от всех европейских языков, но даже от всех языков славянских» [2]. Даже такое общеевропейское слово, как *teatr*, заменили словом *divadlo*, которое не имеет своего эквивалента нигде в Европе.

Слова «двигаются» и меняются вместе со всем языком. Изменения в общей системе отражаются на употреблении и значении отдельных слов. Слово как бы «продергивается» сквозь разные языковые слои, которые оставляют на нём, на его значениях следы своих своеобразий.

Этимология, оторванная от реальной истории слова, может привести к пустой игре воображения. Примером тому могут служить гипотезы о происхождении русского слова «кондрашка» в значении «нервный удар», «паралич». Историк С. М. Соловьёв и этнограф С. Максимов связывали происхождение этого

слова с именем Кондрата Булавина и с поднятым им восстанием (отсюда будто бы и пошло выражение: кондрашка хватил). М. Р. Фасмер стремился найти общее со старославянским «кондрать», с древнерусским «кодрать» (из греч. «род мелкой монеты»). Также припомнилось и имя Кондрата, и диалектное новгородское «кондрат» – «сотоварищ, собрат», допускалась даже контаминация с немецким *komrat*. А. Г. Преображенский иронически отметил: «Но от «собрата» до паралича далеко!» [3].

Академик В. В. Виноградов глубоко прослеживал процесс вживания различных слов в литературный язык.

К примеру, глагол «осунуться» в современном русском языке употребляется лишь в значении «сильно похудеть». В. В. Виноградов отмечает, что такое словоупотребление укоренилось в литературном языке не ранее начала XIX в. Впервые оно отмечено Академическим словарём 1847 г.: «1) похудеть до того, что кости выдадутся из-под кожи. (Осунулся в лице); 2) сунуть невпопад, ошибочно. (Хотел положить в карман, да осунулся)». В данном случае наблюдается омонимия. В «Толковом словаре» В. Даля мы находим: «обсовывать – обсовать: 1) обложить при укладке засовывая. (Обсоваться газетами, набить ими все карманы); 2) обсоваться – обвалиться, обрушиться. (Он оступился и осунулся было под яр); 3) осунуться в лице, похудеть, вдруг спасть с тела, при болезненном виде» [4].

Мы видим, что первоначально слово осунуться значило «опуститься, обвалиться, осыпаться, а затем в переносном употреблении получило значение «Сильно спасть (с лица, с тела), очень похудеть».

Глагол «воспитать» до конца XVII – начала XVIII в. выражал только физические значения «вскормить, взрастить». И только в XVIII в. это слово приобретает переносное отвлечённое значение: «стараться об образовании, об умственном и нравственном развитии кого-нибудь».

Л. Н. Толстой в статье «Воспитание и образование» писал: «Воспитание, французское *education*, английское *education*, немецкое *Erziehung* – понятия, существующие в Европе. Немецкое определение, самое общее, будет следующее: воспитание есть образование наилучших людей, сообразно с выработанным известною эпохой идеалом человеческого совер-

шенства» Сам Л. Н. Толстой определяет «воспитание» так: «Воспитание есть принудительное, насильственное воздействие одного лица на другое с целью образовать такого человека, который нам кажется хорошим» [5].

Таким образом, В. В. Виноградов ярко проиллюстрировал семантическое движение слова, показал, как переносное его значение, свойственное диалектам, вытеснив прежнее, стало в современном литературном языке основным, номинативным.

Если взять, например, слово «самоуправление», то по своей морфологической структуре (как отмечает Виноградов) оно представляется древним славянизмом. Слово «управление» известно из древнейших русских памятников XI–XII вв. как гражданских, так и церковных. Оно отмечено в Поучении Владимира Мономаха, в Житии Феодосия. В нем сочетаются и старославянские, и народные русские значения – соответственно значениям глаголов управить – управлять и управиться – управляться в древнерусском языке.

Сложение с местоимением само отвлечённых имён действия и состояния также относится к числу старославянских моделей словосложения. Ср. самобытие, самовластие, самовольство, самозаконие, самолюбие и т. п.

К XVI–XVII вв. относится образование таких слов, как самонадеянность, самоуправство, самохвальство, самочиние и т. п. Слово самоуправление широко употребимо, особенно в публицистике, с 60-х годов XIX в. Например, у Н. Г. Чернышевского (в статьях, относящихся к 1862–1863 гг. – из цикла «Современника»). У М. Е. Салтыкова-Щедрина: «...первую роль играло слово «самоуправление». Произнесённое рядом с словом «земство», оно должно было оказать магическое действие» [6].

В современном русском языке слово «самоуправление» выражает два значения, тесно связанных одно с другим: 1) узаконенный порядок, по которому какие-нибудь общественные учреждения осуществляют через свои выборные органы некоторые функции центральной власти (Органы местного самоуправления); 2) право какой-нибудь государственной единицы, области самостоятельно решать дела внутреннего управления и иметь свои правительственные органы автономии» [7].

Следует отметить, что русский термин «самоуправление» при всей своей национальной самобытности отражает и интернациональные черты этого правового понятия. Существует соответствующее понятие в английском языке, оно выражается словом *self-government*, во французском – *self-government*, в немецком – *selbstverwaltung* калькированным с англ. языка.

Говоря о роли старославянского языка в создании русского литературного языка,

В. В. Виноградов замечает, что этот язык «внедрил в русскую грамматическую систему разнообразные приёмы образования слов: ...такие общественно-политические и экономические термины, как государство, государственное единство, брак (русское слово свадьба)..., почти вся грамматическая номенклатура: имя существительное, прилагательное, глагол, предложение и т. п. – или унаследованы от старославянского языка, или созданы самостоятельно, но на его основе и с помощью нового осмысления старославянских элементов» [8].

Например, древнерусское слово «государство» со значением «акт правления» было известно в русском языке с XV в., однако получило широкое распространение в разговорной речи только в XVII в. В письменных источниках слово «государство» впервые встречается в «Уложении» 1649 г.

Происхождение его аналогично происхождению слова «господинь» от существительного «господь», восходящего к общеславянскому корню *gospodarъ* и сложению индоевропейских основ *gost* (гость) и *potis* (могущий).

Существуют предположения, что слово «государство», так же как и слово «государь», образовано от основы суд-, тогда «государь» – «верховный судья», а «государство» – полномочный способ управления, обладающий правом суда.

Производные: государственный, до государства относящийся; государствовать, государить, царствовать, царить, быть государем [9].

В академическом словаре русского языка мы находим: государство – политическая организация общества во главе с правительством и его органами, с помощью которой господствующий класс осуществляет свою власть, обеспечивает охрану существующего порядка и подавление классовых противников, а также страна с такой политической организацией [11].

Таким образом, при исследовании генезиса и семантической эволюции научных, общественно-политических и технических терминов необходимо сочетать историко-морфологический анализ слов с культурно-историческим изучением самих соответствующих предметов, явлений, понятий.

Интересна, на наш взгляд, семантическая эволюция имени прилагательного халатный. Слово «халатный» является производным от слова «халат». Но с середины XIX в. это слово выражает переносное качественное значение: «небрежно-безразличный и недобросовестный, неряшливо-нерадивый (к работе, к выполнению своих обязанностей)».

До этого времени в дворянской культуре халат лишь воспевался как символ русского барства. Халат был типичной домашней одеждой помещика и чиновника. Мелкие чиновники

считали халат своим парадным, выходным одеянием.

Слова «халатный», «халатность» ещё в 80–90 гг. XIX в. воспринимались консервативными кругами общества как неологизмы. Н. В. Гоголь слово «халатный» применил в переносном смысле: склонный к халату, т. е. к лени и покою. В «Мёртвых душах» читаем: «...Прямо, так как был, надел сафьяновые сапоги с резными выкладками всяких цветов, какими бойко торгует город Торжок, благодаря халатным побуждениям русской натуры...» [12].

На основе гоголевского словоупотребления в 40–50-е гг. XX в. слово халатный приобрело значение «распущенный, лениво-недобросовестный».

В наше время слова «халатный», «халатность» приобрели особенно ярко выраженную экспрессию иронии и презрения.

Любопытно появление слова «предприниматель» (от глагола предпринять). В книжном русском языке оно возникло не ранее 40–50 гг. XIX века. Это слово образовано под сильным влиянием французского *entrepreneur*. В современном русском языке имеет два значения: 1) владелец промышленного или торгового предприятия; 2) аферист – ловкий организатор выгодных дел, предприятий.

В словаре В. Даля «предприниматель» истолковано чисто морфологически: «предпринявший что-либо. Предприимчивый торговец, склонный, способный к предприятиям, крупным оборотам; смелый, решительный, отважный на дело этого рода». В 50-х гг. XIX в. это слово звучало как неологизм. Чаще употреблялось выражение «хозяин» предприятия вместо французского антрепренёр. Название антрепренёр не соответствовало понятиям русского народа, скорее всего оно употреблялось, когда речь шла об общественных увеселениях, о театре, кочующих труппах комедиантов, музыкантов и проч., о чём-то непонятном, случайном. В русском языке есть название: подрядчик, барышник, хозяин. Эти слова включают в себя многие экономические понятия, связанные со словом антрепренёр; но подрядом нельзя назвать всякое промышленное предприятие; барышничество носит оттенок не совсем честного, правильного труда; хозяин чаще употребляется в разговорном экономическом языке.

Скорее всего поэтому слово «предприниматель» активно вошло в нашу действительность и нашу речь. Героя романа Н. В. Гоголя «Мёртвые души» Чичикова можно назвать первым «предпринимателем» в России.

Слова на той или иной стадии развития образуют внутренне объединённую систему морфологических и семантических рядов в их сложных соотношениях, существуют лишь в контексте этих систем.

Таким образом, слова, идеи и вещи должны изучаться как аналогические и взаимодействующие ряды явлений. В истории материальной культуры функции и связи вещей меняются в зависимости от контекста культуры, от её стиля. И только при полном воспроизведении исторически сменяющихся или изменяющихся систем языка может быть воссоздана вся картина изменений значений и оттенков слова. Историческое изучение словаря невозможно без знания истории материальной и духовной культуры.

Литература

1. Виноградов В. В. История слов. – М.: РАН, 1999. – С. 7.
2. Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. – М., 1986.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1987. – Т. 1–4.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1978. – Т. 1–4. – С. 621.
5. Миладзе Е. О., Шестакова Л. Л. Выдающийся советский учёный (к 90-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова) // Русский язык в школе. – РСФСР, 1985. – № 1. – С. 90.
6. Виноградов В. В. История слов. – М.: РАН, 1999. – С. 620.
7. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 1–4.
8. Виноградов В. В. История слов. – М.: РАН, 1999. – С. 17.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1978. – Т. 1–4. – С. 385.
10. Семёнов А. В. Этимологический словарь русского языка. – М., 2004. – С. 162.
11. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 1. – С. 339.
12. Гоголь Н. В. Повести. Пьесы. Мёртвые души. – М., 1975. – С. 419, гл. 7.